

В. А. МАРЧЕНКО:

«НУЖНО ЛЮБИТЬ СВОЮ РАБОТУ!»

Виктория Круглова (исполнительный директор Ассоциации выпускников, преподавателей и друзей ХНУ имени В. Н. Каразина, руководитель проекта «Видеоистория: Университет в моей жизни»): Сегодня к нам в университет пришел дорогой для нас человек: и для университета, и для мехмата, и для Ассоциации выпускников. О Владимире Александровиче Марченко, нашем уважаемом госте, можно говорить много. Но самое главное для нас и самое почетное — это то, что Владимир Александрович — выпускник Харьковского университета, человек, который много времени посвятил университету, воспитал учеников в его стенах. Он является

академиком Национальной академии наук Украины, академиком Российской академии наук, доктором физико-математических наук, профессором. И сегодня вместе с Еленой Ивановной Тараповой, ученицей Владимира Александровича, мы будем говорить о нашем университете.

Первое, что мне бы хотелось у Вас спросить, Владимир Александрович, с чего начался Ваш университет?

Владимир Марченко: Мой университет начался с олимпиады, которую организовывал в 38–39-х годах в основном Наум Ильич Ахиезер¹. Я знаю, что Наум Самойлович Ландкоф² тоже занимался этим. И я был участником

первых олимпиад. (То есть это была уже не первая олимпиада. Первая олимпиада проводилась, помоему, на два или три года раньше. Алексей Васильевич Погорелов³ участвовал в первой олимпиаде.) Тогда в университете это стало традицией. Затем нам вручали книги в виде премий за результаты по олимпиадам, насколько я помню, в так называемой Ленинской аудитории в старом здании университета на улице Университетской...

Я вообще мечтал стать физиком. Наша семья дружила с семьей Веркиных. И Борис Иеремьевич Веркин⁴, впоследствии директор нашего института [Физико-технического института низких температур], в то время был сту-

ГЛАЗАМИ ВЫПУСКНИКОВ

дентом-физиком университета, и я его попросил как-то показать настоящую университетскую лабораторию. По-моему, это была лаборатория Пинеса⁵. Там стояли рентгеновские аппараты, которые, должен признаться, меня очень разочаровали, потому что, по моим школьным представлениям, это должна была быть красивая стеклянная трубка весьма впечатляющего вида. А это был просто металлический ящик с маленькой рентгеновский луч. Для кристаллографии это было очень удобно. Кажется, такое устройство одним из первых стал применять именно Пинес. Вот собственно тогда я познакомился с лабораторией.

Но поступил я в Ленинградский университет и проучился там до войны. Летом приезжал каждый раз, конечно, в Харьков, потому что здесь жила мама (отца уже не было).

Война меня застала в Харькове. Во время войны я тоже имел отношение к университету, причем довольно своеобразное. Дело в том, что выживать мне помогало юношеское, вернее, даже детское увлечение химией. В Харькове, да и во всех других оккупированных городах (и не только оккупированных), был большой дефицит спичек. А для того, чтобы изготовить спички, нужна, как известно, бертолетова соль. Как она приготавливалась, я знал. И поэтому у ее готовил, затем готовили мы спички. Но чтобы продать спички, нужна реклама. Какая реклама? На коробочке надо напечатать что-то яркое. Почему-то считалось, что самым лучшим для этого будет петух. Он символизирует пожар. И в университетской типографии в старом здании университета, прямо в химкорпусе, печатали эти самые листы. Туда надо было прийти, купить их и наклеить. Это было военное знакомство с университетом. Больше я, пожалуй, во время войны, то есть

во время оккупации, и не был в университете. А сразу после освобождения Харькова, в один из первых дней, когда было возможно, я пошел в университет пытаться восстановиться в учебе.

Елена Тарапова: На каком факультете?

В. М.: Я восстанавливался на математическом факультете. Мне это посоветовал кто-то из людей, близких к Буланкину⁶. Потому что для того, чтобы физический факультет заработал, нужно

декан, тогда было. Я не уверен, что было. Потому что нас тогда училось человек 10–15 самое большее. Всем факультетом заведовала Анастасия Титовна. Это была удивительная женщина, очень любопытная, живая, все интересовалась, как ты живешь, как то, другое... Все знала. Она была доброй, всегда старалась помочь, чем могла. Ну что она могла? Посоветовать, как поступить в сложившейся ситуации. В общем, она была душой факультета, безусловно.

Я помню, что лекции проходили в старом здании университета на улице Университетской. Там были физические лаборатории. (Позже в них обна-

Мой университет начался с олимпиады, которую организовывал в 38–39-х годах Наум Ильич Ахиезер

много больше средств, возможностей и т. д. А тут ничего не нужно. Я помню, мне говорили: «Антон Казимирович Сушкевич⁷ здесь...» И вот я тогда поступал на математический факультет. Хотя тоже не без труда. Ведь формально у меня не хватало одного экзамена, я уже не припомню какого. Дело в том, что в Ленинграде я учился на физическом факультете, но заочно — на математическом. Поэтому было небольшое расхождение. Насколько я понимаю, мое зачисление стало возможным благодаря тогдашнему проректору по научной части. Так я перевелся в университет. И начался занятия.

Е. Т.: А кто был деканом? Не помните?

В. М.: Я сейчас попробую вспомнить. Если такое понятие, как

ружили много ртути. Но тогда на это не обращали внимания.)

Университет, конечно, не отапливался. Холодно было. Но когда выходишь из аудитории, там был небольшой коридорчик и около него — как бы такая прихожая. Вот там сидела Анастасия Титовна около маленькой буржуйки. И, выходя из аудитории, все скапливались около Анастасии Титовны. Все: и профессор, который читал лекцию, и студенты, которые слушали. А большинство не слушали...

Е. Т.: В то время тоже такое было?

В. М.: Да... По главной темой, конечно, было положение на фронтах.

Е. Т.: Конечно. 43-й год...

В. М.: Это была животрепещущая тема, тем более что очень

переживал Дармостук⁸. Я не помню его имя и отчество. Он читал у нас какой-то спецкурс по геометрии. Но у него сын был в армии, и отец очень беспокоился. Помню, наши войска Карпаты тогда занимали, и он все переживал, как будет, что будет. В общем, это я хорошо помню.

год. А Наум Ильич появился в 46-м. Это было после войны.

Е. Т.: То есть Вы уже окончили университет.

В. М.: Да. Но потом, уже в 44–45-м годах, приехали из Кзыл-Орды Яков Павлович Бланк¹², Дмитрий Захарович

Е. Т.: А Сливняк потом стал преподавателем на кафедре у Ильи Владимировича Сухаревского¹⁴ в Академии имени Говорова. Он преподавал теорию вероятностей и читал нам в университете курс.

В. М.: Да-да. Вот мы с ним очень подружились потом по жизни.

В. К.: Владимир Александрович, а Вы общались со студентами других факультетов?

В. М.: Нет, практически нет. Я не знаю почему, может, по техническим причинам, но общения практически тогда не было. Даже с физиками. Но физиков, правда, было очень мало. Вот они появились в большом количестве только в 45-м году.

Е. Т.: Дальше у Вас была аспирантура. Как проходило поступление туда? Экзамены были?

В. М.: Ну конечно, вступительные экзамены были.

Е. Т.: А к кому Вы поступали?

В. М.: Я поступал как раз к Ландкофу. Он был моим руководителем в аспирантуре. Поэтому то, что мы на этом спецкурсе по почти периодическим функциям, о котором я говорил, слушали, то и сдавалось. Это было довольно трудно. Хотя труднее всего был английский язык. Его в то время почти никто не знал. Но и принимали экзамены уж очень либерально. Вот так я поступил в аспирантуру.

Одновременно тогда же был открыт Институт математики¹⁵. Он существовал давно, с 29-го года. Его еще основывали Бернштейн и Синцов. Потом там был директором Наум Ильич Ахизер. Но во время войны здание института, которое находится и по сей день на территории старого УФТИ в Юмовском [тунике], забрали физики. По соображениям секретности туда нельзя было входить. Так что мы в свое родное здание понасть не могли. Но нам дали здание на Пушкинской, маленькое, но очень удобное. Кроме математиков, там работало еще два

Я поступал в аспирантуру к Н. С. Ландкофу.

И то, что мы на его спецкурсе по почти

периодическим функциям слушали,

то и сдавалось. Это было довольно трудно.

Хотя труднее всего был английский язык.

Его в то время почти никто не знал.

Но и принимали экзамены уж очень либерально

Если говорить, чем отличалось то время от нынешних дней, по-моему, такого единодушия, семейного отношения, которое тогда сложилось между студентами, между Анастасией Титовой, между истопником, который какую-то роль там играл (не знаю, почему-то мы называли его истопник, но я не уверен, что он именно этим делом занимался, может, он когда-то был истопником, а потом так и позже его называли), — не было больше никогда.

Состав преподавателей был очень маленький. Ведь в Харькове оставалось совсем немного, и выживших в том числе, преподавателей и профессоров. Ну вот Антон Казимирович [Сушкевич], Марчевский⁹, Дармостук, Соловьев¹⁰, Баженов¹¹ (он астрономом был). Ну больше я не припомню.

Е. Т.: А Наум Ильич читал Вам?

В. М.: Нет, тогда Наума Ильича не было, что Вы! Это же был 44-й

Гордецкий¹³, Наум Самойлович Ландкоф, и вот тогда оживилось и преподавание, и что-то вроде научных семинаров. Ландкоф организовал у себя семинар по почти периодическим функциям, который, пожалуй, был самым популярным. Кроме того, в то время он был единственным.

В. К.: Владимир Александрович, Вы рассказали о своих учителях, о тех, кто Вас обучал. А с кем Вы учились? Кто были Вашими однокурсниками? Помните кого-нибудь?

В. М.: Сливняк, Израиль Сливняк. Отчества не помню. (Мы его звали Зариком.)

Е. Т.: Я помню его. Он нам читал потом.

В. М.: Вот Сливняк. И Медовник. Он с нами тоже оканчивал. Это математики. И Павел Шпанион. Это физик. Вот их я помню. Это наш выпуск из мальчишек. А из девчат — там была Милославцева, Дорогая...

ГЛАЗАМИ ВЫПУСКНИКОВ

сотрудника — Вера Васильевна и Аггилія Давыдовна, жена известного математика Геронимуса¹⁶.

А с кем я еще познакомился? Конечно, с Яковом Павловичем Бланком. Это был удивительно добрый человек, очень душевный. И я, пожалуй, с трудом могу вспомнить кого-то, кто бы так естественно проявлял отзывчивость и доброту ко всем.

Е. Т.: Он был только преподавателем? Или, может, заведовал кафедрой?

В. М.: Да, заведовал кафедрой геометрии.

Вот помню, что то помещение около Анастасии Титовны было замечательно тем, что в нем собирались студенты и выпускники физмата, просто чтобы встретить кого-то из своих. Там как раз я

вышел мы с лекции, и он там стоял в военной форме, юный, подтянутый. А Анастасия Титовна мне шепотом: «Это Погорелов». (Я тогда не знал, кто такой Погорелов.) Там мы познакомились. Потом он уехал, и позже мы встретились в 45-м году. Он к родителям приезжал. После войны он очень быстро переехал из Москвы в Харьков, стремился воссоединиться, как говорится, с родительской семьей.

Что еще запомнилось из того времени? Я повторяю, факультет был дружной семьей. Может быть,

встретил в первый раз Алексея Васильевича Погорелова. Это был молодой красивый лейтенант. Помню,

по современным меркам преподавание было архаическим, я это допускаю. Но атмосфера, которая тогда была, — она неповторима. То, что прошло, то стало милым, оно сохранилось в памяти.

А дальше все пошло более-менее стандартно. Аспирантура, защита диссертации, потом закрытие института и поэтому перевод сюда, в университет.

Сначала практические занятия, вступительные экзамены в большом количестве. И я должен сказать, что, судя по тому, что я слышу сегодня о вступительных экзаменах и об абитуриентах, которые хотят поступить на наши факультеты и наши специальности, тогда было совсем иначе: довольно большой конкурс, колоссальное стремление молодых людей поступить

Выпуск математического факультета Харьковского физико-химико-математического института 1932 года.

В 1-м ряду слева направо профессора М. М. Иванченко, Д. М. Синцов, академик С. Н. Бернштейн, профессор М. Н. Марчевский (декан факультета), Я. С. Блудов (директор физхимического института), Н. М. Душин, Б. П. Герасимович, И. С. Чернушенко, Н. Н. Евдокимов; во 2-м ряду 3-й слева проф. Н. П. Барабашов, 4-й слева проф. А. В. Желеховский, 2-й справа Ц. К. Руссян, 3-й справа В. Л. Гончаров, 4-й справа П. М. Дармостук

и заниматься именно этими отраслями науки — математикой, физикой, астрономией... Все хотели заняться наукой. И вообще, тогда наука, по-

Е. Т.: Это самое главное для преподавателя — видеть отдачу, что сейчас, к сожалению, редко бывает.

дружном тесном коллективе во ФТИНТе.

В. М.: Да, это благодаря Веркину, между прочим. Он создал этот ФТИНТ, Физико-технический институт низких температур, ныне имени Бориса Иеремиевича Веркина...

Я его встретил тогда в Юмовском тупике, возле кинотеатра Жданова (там такой был). Разговорились, а он мне: «Слушай, вот я сделаю институт, иди ко мне заведовать кафедрой теоретической физики». У меня глаза на лоб. Я ему: «Какой теоретической физики?» А он ответил: «Ну ладно, там разберемся». Я говорю: «Ну нет, несерьезный это разговор». Но у него же такой напор был, что отстать было невозможно. И в конце концов, мы довольно долго спорили, и я сказал: «Знаешь что, подумай о том, что у нас был Институт математики. Он очень хорошую роль сыграл, и мы очень жалеем, что его теперь нет. Вот отделение какое-нибудь или отдел математический бы при институте...» Это ему запало в душу, и он действительно рискнул: при физическом институте, да и еще физико-техническом институте низких температур, организовать сразу три отдела — математической

Коллеги-математики.

Слева направо: И.Е. Тарапов, К.В. Маслов, Е.Я. Хруслов, В.А. Марченко

моему, занимала такое положение в обществе не только в Харькове, не только в стране, я думаю, во всем мире, которое потом она уже никогда не занимала. Никогда. Дело в том, что после разочарований от войны, трудностей военного времени это была отдушина. И то, что это что-то очень мощное, понимали все. Конечно, атомная бомба сильно способствовала этому. Но, так или иначе, я столько принимал тогда вступительных экзаменов, что, помню, приходили юноши или девушки и горели желанием поступить на физический или математический факультет. Видно было, как они хотят учиться, хотя зачастую школьных знаний было не то что мало, они отсутствовали. Это же было военное время. Что там школы? Они не функционировали. Что у детей осталось в памяти, то и сдавали. Но чувствовалось, что все будут учиться. Я потом вел практические занятия с этими же абитуриентами, которых принимал, и смотрел, как они росли, с каким трудом им все давалось, но все же большинство добивалось своего.

В. К.: Владимир Александрович, а кого-нибудь помните из этих своих послевоенных учеников? Может, потом с кем-то дружили, с кем-то работали.

В. М. (указывая на Елену Иванову): Вот моя ученица. Она уже не в университете училась. Кто еще? Рофе-Бекетов¹⁷, Маслов Клавдий Вениаминович¹⁸, Евгений

Яковлевич Хруслов¹⁹, Пастур Леонид Андреевич²⁰... Много, всех сейчас и не припомню.

В. К.: Я так понимаю, вы до сих пор работаете вместе в таком

физики, геометрии и комплексного переменного. Математиков там называли «математики при низких температурах».

Е. Т.: И Вы туда перешли.

Должен сказать, я до сих пор жалею, что разделили физмат. Это был очень хороший факультет — и физический, и математический вместе

ГЛАЗАМИ ВЫПУСКНИКОВ

В. М.: Да, я туда перешел... Буланкин очень обиделся. И мне до сих пор как-то неприятно, что он тогда с обидой это воспринял. Но, наверное, так все-таки было правильно. Я имел 24 часа горловой нагрузки в неделю. Это много.

Е. Т.: Это очень много. Наукой в таком случае абсолютно нереально заниматься. А кто еще перешел из университета?

В. М.: Сразу перешел Погорелов. По-моему, почти сразу Наум Ильич, но вскоре он вернулся в университет. Потом Борис Яковлевич Левиц²¹ перешел. Может, еще кто-то, но я уже не помню.

В. К.: А кто остался на факультете после того, как часть преподавателей ушла работать во ФТИНТ?

Е. Т.: Факультет был большой.

В. М.: По-моему, все мы остались преподавать. По совместительству. И Алексей Васильевич остался. Он всегда в университете проводил геометрические семинары. И Наум Ильич. И я читал. Борис Яковлевич Левиц, конечно. Он потом заведовал кафедрой. Связь с университетом была тогда еще неразрывной. Трудно было сказать о ком угодно, что он сотрудник или университета, или ФТИНТа. И там и там работали. Это было, по-моему, разумно сделано.

Вообще, должен сказать я, до сих пор жалею, что разделили физмат. Это был очень хороший факультет — и физический, и математический вместе, потому что была уникальная возможность обратиться, если возникал какой-то вопрос или просто из любопытства, к кому угодно и из математиков, и из физиков. Здесь работали Илья Михайлович Лифшиц²², Александр Ильич Ахиезер²³, Вениамин Леонтьевич Герман²⁴... Из известных теоретиков ко всем можно было спокойно обратиться. Да и не только к теоретикам. Из любопытства можно было любой вопрос задавать. И это было совершенно уникально для Харькова. Хотя и не только.

Ведь, скажем, Московский университет на голову выше, Ленинградский то же самое.

Но, по моим наблюдениям, и там и там в те годы не было такого тесного контакта с физическими (не буду говорить прикладными) идеями, проблемами и т. д. А это очень ценно, очень важно, потому что зачастую бывает так, что человек, добившись даже очень выдающихся успехов в математике, не может сломать ту скорлупу, в которую он попадает. И начинает углублять, уточнять результаты, которые, собственно говоря, уже получены. Уже все

написал рецензию такого содержания, как сейчас помню, что результаты этой статьи было очень трудно получить, но должен сказать, что, по моим наблюдениям, в этой области наступает кризис жанра. Все...

Статья, конечно, была напечатана. В ней решались действительно трудные задачи.

Вот Новиков²⁶, академик, — большой энтузиаст налаживания связей между математиками и физиками. Он работает и в Институте Стеклова, и в Институте теорфизики Ландау. Потому что такая связь очень плодотворна. Вот, по-моему, сейчас у нас она утрачена в значительной мере.

Е. Т.: Да, по-видимому.

Математики Харьковского университета. Слева направо 1-й ряд: Я. Л. Геронимус, А. К. Сушкевич, Н. И. Ахиезер, Б. Я. Левиц, А. В. Погорелов, М. Д. Дольберг; 2-й ряд: Д. З. Гордевский, Н. С. Ландкоф, В. А. Марченко, Г. И. Дринфельд, А. Я. Повзнер; 3-й ряд: Л. Я. Гиришвальд, Э. М. Жмудь, Я. П. Бланк, А. С. Лейбин. Апрель 1950 г.

главное сделано, и нет смысла тратить силы на это.

Я помню, когда был членом редколлегии матсборника, пришла статья по рядам Фурье. Это довольно специфическая область математики. Там столько всего наделали, столько результатов получили, очень тонких, очень трудных. И эта статья была в этом духе, в этой струе. Решили попросить Колмогорова²⁵ посмотреть ее. Он

В. М.: Это жаль. Но, с другой стороны, я понимаю, что возникновение математического факультета и отдельно физического неизбежно, потому что они становились все больше и больше. У математиков появились вычислительные машины. Вот Иван Евгеньевич²⁷ приложил очень много усилий, чтобы у нас тоже появилась одна из первых вычислительных машин. «Урал-1», кажется, она

называлась. И только благодаря ему она работала, надо сказать, достаточно хорошо. Я помню даже, что у Усикова²⁸, радиофизика (он тогда был директором

Б.И.Веркин

ИРЭ) была одна задача, и он обратился к нам: «Можно мне посчитать?» Посмотрели. Считать можно было, но просчет на машине занимал очень много времени. 100 операций в секунду. Считалось невероятным много! И поэтому стоимость этого счета была очень большой, по-моему, 20 тысяч рублей. Но Усикова это не смутило. Он говорил: «Я понимаю, что это не цена для такого расчета. Но я также понимаю, что больше нигде его не сделаешь. И потом, знаете, эти деньги не пропадут даром. Они же пойдут на то, чтобы люди научились считать. Ничего. У меня они есть, и я их с удовольствием дам». Почему так легко? Вот я не представляю себе, чтобы сейчас так легко было связаться с физиками из другого института или радиофизиками. И главное, не мы искали, а он нас нашел. А сейчас это не налаживается так.

В. К.: Владимир Александрович, вот Вы вспомнили Веркина, вспомнили Усикова, коллег своих, математиков. С кем еще приходи-

лось работать из известных ученых? Может быть, встречаться в Москве, Ленинграде?

В. М.: Совместных работ, насколько я помню, с математиками у меня тогда не было. Но контакты и дискуссии с Гельфандом²⁹, Левитаном³⁰, Жиковым³¹, Новиковым, Захаровым³² и многими другими были очень интересны и важны для меня.

Е. Т.: Владимир Александрович, а читал Вам что-нибудь Наум Ильич? Он позже появился, Вы сказали. Был ли у Вас контакт с ним по работе? Может, Вы нам расскажете что-нибудь о Науме Ильиче?

В. М.: Наум Ильич жил в Москве в конце войны. И он, конечно, хотел переехать сюда. Здесь был его институт. Приехал Ахиезер навеститься в Харьков, по-моему, первый раз весной 45-го года. Кажется, так. И тогда он прочитал у нас на семинаре в Институте математики небольшую лекцию (часа полтора, наверное, она продолжалась) о тауберовых теоремах. Это как раз мне очень запомнилось. Но что еще запомнилось, помимо содержания лекции, по сравнению

А.Я.Усиков

с другими математиками, которых я слушал, Наум Ильич, конечно, был артистом. Он читал артистически

лекции. Он находил очень правильное соотношение между строгостью, общностью и глубиной того, что излагал. Он, наверное, очень тщательно продумывал их, потому что потом на основе этих лекций, как я понимаю, вышла его книга «Теория аппроксимаций», за кото-

Н.И.Ахиезер

рую он получил премию Академии наук СССР. Это мне запомнилось.

Он тогда со мной поговорил немножко, спросил: «Вот Вы сейчас будете кончать. Что Вы собираетесь делать?» Я говорю, что хочу поступать в аспирантуру в Ленинград. Он несколько удивленно посмотрел: «А к кому?» Я говорю: «Я не знаю». — «А кого Вы там знаете?» Я говорю: «Марка Константиновича Гавурина³³». Это человек, который тоже в свое время произвел на меня большое впечатление и очень мне помог. Потому что математика на физическом факультете — это не та математика, которую читают на математическом в Ленинграде. А я поступил на заочный, для меня то многое было вновь, и я пришел сдавать ему первый экзамен. Он меня послушал, потом дал задачу. Как я сейчас помню, эта задача состояла в том, чтобы доказать, что если ряд условно сходится, то можно сделать такую перестановку, что частичные суммы будут

ГЛАЗАМИ ВЫПУСКНИКОВ

сходиться к любому числу. Это для меня была совершенно неожиданная постановка задачи. Но я с грехом пополам, просидев там, наверное, около часа, «доконал» ее не очень красивым способом.

Он тогда со мной сошелся ближе, и мы (я не могу сказать, что мы подружились, потому что он был значительно старше меня) остались очень добрыми знакомыми на всю жизнь. Но сейчас уже его нет, к сожалению.

Ну вот, Наум Ильич спросил: «А чем Вы будете заниматься?» А я говорю: «Не знаю. Интегралом Данжуа». Он так посмотрел на меня несколько удивленно: «Вам это нравится?» А я, честно сказать, не очень понимал, в чем состоит главная цель этого интеграла. Он мне: «Ну смотрите, подумайте. Такого сорта приложения, как у Винера в той лекции (он как раз читал результаты Винера), Вам не пришлось действовать. И это он делал тоже артистически.

незаметно. Он не так сказал: «Да нет, брось, поступай сюда». Он этого не сказал.

Е. Т.: Он вообще был очень деликатный человек.

В. М.: Он знал, как нужно

И. Е. Тарапов и В. А. Марченко. Демонстрация ферромагнитной жидкости. 80-е годы.jpg

В. М.: Кандидатской — да. «Методы суммирования рядов Фурье».

Я не могу сказать о Науме Ильиче, что я у него учился. Это было бы неправильно. Но, конечно, он, и Александр Яковлевич Повзнер³⁴, и Борис Яковлевич Левин как крупнейшие аналитики произвели очень большое впечатление.

Очень большое влияние оказали на всех людей, близких к этой специальности, в том числе и на меня, безусловно.

Вообще, все встретившиеся мне сотрудники университета настолько самоотверженно отдавали свои силы для блага университета, что хочется сказать: «Низкий им поклон».

В. К.: Владимир Александрович, а как Вы познакомились с Иваном Евгеньевичем Тараповым?

В. М.: Сейчас вспомню. Это было в Институте математики. Вероятнее всего, это был 47-й год. У нас проходил семинар. Я вышел в коридор, а там стоял Алексей Васильевич с каким-то человеком (я его не знал). Я подошел к Алексею Васильевичу: «Как ты, что ты?» — общие слова. А тут Иван Евгеньевич вмешался в разговор. Вот так мы увиделись в первый раз. А потом я часто его встречал у Германа. Это был его учитель по аспирантуре, по-моему.

Е. Т.: Да, он у Германа на семинаре был с Ильей Владимировичем Сухаревским.

В. М.: Да. Но дальше — больше. А потом уже стали практически друзьями.

Я помню хорошо уже другую дату, 7 ноября 54-го года. После демонстрации мы с Иваном Евгеньевичем (и еще кто-то был, по-моему, Герман) зашли ко мне домой (это на Бассейной было), пообедали.

решил поступать здесь в аспирантуру. В этом случае, конечно, Наум Ильич оказал большое влияние. Но

Е. Т.: У Вас же название кандидатской диссертации с рядами Фурье связано?

Судя по тому, что я слышу сегодня о вступительных экзаменах и об абитуриентах, которые хотят поступить на наши факультеты и наши специальности, тогда было совсем иначе: довольно большой конкурс, колоссальное стремление молодых людей поступить и заниматься именно этими отраслями науки — математикой, физикой, астрономией

Делать было нечего, и мы сели играть в преферанс. А вечером Марья Михайловна, моя жена, почувствовала себя плохо, и ее срочно надо было отвезти в роддом. Таким образом, родилась Таня, моя дочь. Так что Иван Евгеньевич имеет прямое отношение к такому важному событию...

Вот опять-таки, собственно, мы совершенно разных специальностей с Иваном Евгеньевичем, однако при этом находили всегда общий язык и общие научные интересы. Это, наверное, было такое время. И такие люди...

Е. Т.: Владимир Александрович, у Вас очень много учеников. Есть ли у Вас принцип отбора в аспирантуру? Или не было никакого принципа?

В. М.: Нет, принципа не может быть, по-моему, вообще.

Е. Т.: Обязательно ли математическое образование?

В. М.: Вот я расскажу, как поступил в аспирантуру Хруслов. Со мной в школе на год старше меня учился некто Глеб Клягин. Это был разнообразных способностей

рассказывал, я говорю с его слов.) Когда же он ждал, пока наберется необходимое число людей, чтобы их отправить, туда к ним пришел какой-то человек и сказал: «Что вы тут сидите?» — «Мы ждем». — «Да бросьте, идите ко мне». — «А куда к вам?» — «Ну вас перебросят ко мне в Чехословакию, и мы там будем заниматься делом». Они согласились. Так он попал в Чехословакию. Там они партизанили, по-видимому, очень успешно. И опять-таки, в том пятачке около Анастасии Титовны в 45-м году я смотрю — стоит в характерной партизанской форме (папах и обязательно в деревянной большой кобуре маузер) Глеб, хоть и сильно изменился. Я подхожу: «Глеб?» — «Да!» Так мы стали дружить после войны, он уже вернулся сюда. И вот как-то он говорит: «Слушай, у меня там есть очень хороший парень. Он ко мне обратился, что-то такое спросил по математике (он очень ее любит)»...

Е. Т.: А где «там»?

В. М.: Он был заведующим каким-то отделом в Институте

заочный поступить, чтобы учить математику». — «А что Вы окон-

В.А. Марченко

чили?» — «Окончил политехнический». — «А зачем поступать? Не надо». У него было наивное представление, что на заочном математическом он познает, что такое математика.

Е. Т.: Это наивно.

В. М.: Да, наивно, конечно. Я ему говорю: «Подожди, подожди. Хочешь, я тебе дам задачу?» А у меня была очень хорошая задача. Дал ее Шубенко-Шубин³⁵, главный инженер «Турбинки»³⁶ (я с ним был знаком, между прочим, через Сливняка. Сливняк там им что-то рассчитывал, и тоже он обратился ко мне). В общем, нужно было решить одну оптимальную задачу. Она мне понравилась, потому что ее решить стандартным методом нельзя было. Там не было производной — недифференцируемость была. Я говорю: «Вот попробуй». И он действительно через неделю принес решение. Корявое, как всегда бывает. Но идея была совершенно правильной. Я ему говорю: «Поступай в аспирантуру». — «Как в аспирантуру?» — «Вот так». И он поступил в аспирантуру, и, по-моему, был мой лучший ученик, лучший аспирант.

***После войны все хотели заняться наукой.
И вообще, тогда наука, по-моему,
занимала такое положение в обществе
не только в Харькове, не только в стране,
я думаю, во всем мире, которое потом
она уже никогда не занимала***

парень. Он и математикой занимался, и в олимпиадах участвовал. Во время войны он поругался со своим начальством (капитан какой-то был), и его собирались отправлять в штрафбат. (Это он мне

автоматики, кажется, на площади, в центре. Я сейчас точно не помню. «Ты поговори с ним». — «Ну, пожалуйста, конечно». Женья пришел, и я его спрашиваю: «Что Вы хотите?» — «Я собираюсь на

ГЛАЗАМИ ВЫПУСКНИКОВ

Е. Т.: И сейчас Евгений Яковлевич работает в этом же отделе во ФТИНТе, что и Вы.

В. М.: И в этом же направлении. А бывали такие, которые поступали обычным путем. Это большинство, конечно.

Е. Т.: То есть математическое образование не есть необходимость.

В. М.: Нет. Математическое образование играет колоссальную роль. Но не для поступления в ас-

подобен флосу, когда он только одним занимается, и главное — что его и не интересуют другие вопросы.

Вот что страшно! А аспирантура, с моей точки зрения, способствует ликвидации определенных прорех, которые всегда неизбежно есть. Но главным образом это выбор

фовке, сделает так, как никто другой не сможет. Другой, наоборот, шире охватывает. Это уже индивидуальные особенности.

В. К.: Владимир Александрович, я хочу попросить Вас сказать несколько слов нашим будущим студентам, аспирантам. Что бы Вы им пожелали?

В. М.: Любить то дело, которое они хотят делать всю жизнь. Больше ничего. Все остальное придет. Но если ты трратишь колоссальные усилия, а работа тебе на самом деле не по душе, ничего не выйдет. К сожалению, бывают и такие случаи...

Все встретившиеся мне сотрудники университета настолько самоотверженно отдавали свои силы для блага университета, что хочется сказать: «Низкий им поклон»

21 июня 2012 год

Выражаем искреннюю благодарность В. С. Рыжему за помощь в работе над комментариями к статье

пирантуру, а после аспирантуры, когда человек начинает самостоятельно работать. Ведь если образование узкое, очень часто получают однобокости. Как известно, человек

тематики, методов и, если угодно, какой-то философии. В общем — отшлифовка мастерства. И многое зависит от самого аспиранта. Один сосредотачивается на такой отшли-

- 1 Наум Ильич Ахиезер (1901–1980) — доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент АН УССР. Заведовал кафедрой теории функции (впоследствии — математической физики) в Харьковском государственном университете имени А. М. Горького (ныне — Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина). С 1935 года возглавлял Институт математики. Специализировался в области конструктивной теории функций и теории приближений.
- 2 Наум Самойлович Ландкоф (1915–????) — доктор физико-математических наук, профессор. Заведовал кафедрой математики в Военной инженерной радиотехнической академии имени маршала Советского Союза Л. А. Говорова. Работал на кафедре теории функций Харьковского университета. Занимался вопросами функционального анализа, теории потенциала и теории вероятности.
- 3 Алексей Васильевич Погорелов (1919–2002) — доктор физико-математических наук, профессор, академик АН СССР и УССР, лауреат Ленинской и многих других премий. Заведовал кафедрой геометрии Харьковского университета. Один из ведущих геометров современности. Автор школьных учебников по геометрии, признанных лучшими в мире.
- 4 Борис Иеремиевич Веркин (1919–1990) — доктор физико-математических наук, профессор, академик АН УССР. Основатель Физико-технического института низких температур (ФТИНТ), ныне носящего его имя. Автор трудов по физике и технике низких температур, материаловедению, криогенной медицине и биологии, низкотемпературным жидкостям, магнетизму и пр.
- 5 Борис Яковлевич Пинес (1905–1968) — доктор физико-математических наук, профессор. Заведовал кафедрой физики твердого тела Харьковского университета. Специалист в области металлофизики, рентгеноструктурного анализа и пр.
- 6 Иван Николаевич Буланкин (1901–1960) — доктор биологических наук, профессор, академик АН УССР, ректор Харьковского университета (1945–1958). Заведовал кафедрой биохимии ХГУ. Основные научные работы посвящены биохимии белков, возрастной и сравнительной биохимии.
- 7 Антон Казимирович Сушкевич (1889–1961) — доктор физико-математических наук, профессор. Заведовал кафедрой алгебры Харьковского университета. Занимался обобщенными группами. Одним из первых разработал основные понятия и получил важные результаты в теории этих групп.
- 8 Петр Макарович Дармостук (????–????) — кандидат физико-математических наук, доцент. Работал на кафедре геометрии Харьковского университета. Занимался вопросами линейчатой геометрии.
- 9 Михаил Николаевич Марчевский (1884–1974) — кандидат физико-математических наук, профессор. Был деканом математического отделения Физхиминститута. Заведовал кафедрой математического анализа, кафедрой общей математики Харьковского университета.
- 10 Павел Александрович Соловьев (1890–1945) — кандидат физико-математических наук, профессор. Работал на кафедре геометрии Харьковского университета.
- 11 Георгий Митрофанович Баженов (????–????) — доктор физико-математических наук, профессор. Работал в Астрономической обсерватории Харьковского университета, а затем на кафедре высшей математики Харьковского института инженеров коммунального строительства (ныне — Харьковская национальная академия городского хозяйства имени А. Н. Бекетова). Занимался вопросами небесной механики.

- ¹² Яков Павлович Бланк (1903–1988) – доктор физико-математических наук, профессор. Заведовал кафедрой геометрии Харьковского университета. Исследовал пфаффовы и монжевы уравнения. Также развил теорию поверхностей переноса в неевклидовом пространстве.
- ¹³ Дмитрий Захарович Гордеский (1908–1979) – кандидат физико-математических наук, профессор, первый декан механико-математического факультета Харьковского университета (1961–1968). Работал на кафедре геометрии ХГУ.
- ¹⁴ Илья Владимирович Сухаревский (1923–2000) – доктор физико-математических наук, профессор. Заведовал кафедрой математики в Военной инженерной радиотехнической академии имени маршала Советского Союза Л. А. Говорова. Научные исследования были связаны с операторными, в частности интегральными, уравнениями, а также посвящены современной вычислительной математике, радиотехнике, теории дифракции.
- ¹⁵ В 1929 году в Харькове по инициативе выдающихся харьковских математиков Д. М. Синцова и С. Н. Бернштейна на базе научно-исследовательских математических кафедр был учрежден Украинский институт математических наук, который через некоторое время получил название Украинского научно-исследовательского института математики и механики, а с 1934 года это название было расширено словами «при Харьковском государственном университете». В 1950 году институт был закрыт.
- ¹⁶ Яков Лазаревич Геронимус (1898–1984) – доктор физико-математических наук, профессор. Много лет возглавлял кафедру теоретической механики в Харьковском авиационном институте. Научные исследования были посвящены математическому анализу и теоретической механике.
- ¹⁷ Федор Семенович Рофе-Бекетов (род. в 1932 г.) – доктор физико-математических наук, профессор. Работает во ФТИНТ НАН Украины имени Б. И. Веркина. Научные интересы относятся к спектральной теории дифференциальных операторов.
- ¹⁸ Клавдий Вениаминович Маслов (род. в 1932 г.) – кандидат физико-математических наук. Работает во ФТИНТ НАН Украины имени Б. И. Веркина. Работы посвящены теории случайных процессов, теории дифракции, обратным задачам спектрального анализа и вычислительной математики. Один из активных организаторов вычислительного центра в Институте низких температур.
- ¹⁹ Евгений Яковлевич Хруслов (род. в 1937 г.) – доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины. Возглавляет математическое отделение ФТИНТ НАН Украины имени Б. И. Веркина. Научные интересы охватывают широкий круг проблем математической физики. Он является одним из основателей теории усреднения дифференциальных операторов с частными производными.
- ²⁰ Леонид Андреевич Пастур (род. в 1937 г.) – доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины. Был первым заведующим математическим отделением во ФТИНТ НАН Украины имени Б. И. Веркина. Возглавляет отдел теоретической физики Института низких температур. Научные интересы и результаты связаны со спектральной теорией случайных дифференциальных и конечно-разностных операторов, теорией случайных матриц, а также математическими проблемами статистической физики и физики твердого тела.
- ²¹ Борис Яковлевич Левин (1906–1994) – доктор физико-математических наук, профессор. Заведовал кафедрой математического анализа Харьковского университета. Один из основателей и заведующих отдела теории функций во ФТИНТ НАН УССР. Исследования относятся к теории целых функций, функциональному анализу, гармоническому анализу, теории почти периодических функций.
- ²² Илья Михайлович Лифшиц (1917–1982) – доктор физико-математических наук, профессор, академик АН СССР, академик АН УССР, лауреат Ленинской премии. Работал заведующим теоретическим отделом в Харьковском физико-техническом институте (ныне – Национальный научный центр «Харьковский физико-технический институт») и одновременно заведовал кафедрой статистической физики и термодинамики (ныне – кафедра теоретической физики имени акад. И. М. Лифшица) Харьковского университета. Один из создателей современной теории твердого тела.
- ²³ Александр Ильич Ахиезер (1911–2000) – доктор физико-математических наук, профессор, академик АН УССР. Основал кафедру теоретической ядерной физики на физико-математическом факультете Харьковского университета и много лет заведовал ею. Один из основателей физико-технического факультета ХГУ. Научные исследования посвящены самым разным разделам теоретической физики.
- ²⁴ Вениамин Леонтьевич Герман (1914–1964) – доктор физико-математических наук, профессор. Заведовал кафедрой теоретической механики Харьковского университета. Известен своими трудами по тензорным свойствам кристаллов, поляризации света, рассеяния, поглощения и распространения волн.
- ²⁵ Андрей Николаевич Колмогоров (1903–1987) – доктор физико-математических наук, профессор, академик АН СССР. Один из крупнейших математиков современности. Руководил кафедрой теории вероятностей механико-математического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Был директором Института математики и механики МГУ. Один из основоположников современной теории вероятностей. Важнейшие результаты в топологии, геометрии, математической логике, классической механике, теории турбулентности, теории сложности алгоритмов, теории информации, теории функций, теории тригонометрических рядов, теории меры и пр.
- ²⁶ Сергей Петрович Новиков (род. в 1938 г.) – доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, лауреат Ленинской и других премий. Награжден золотой медалью Филдса Международного союза математиков. Заведует отделом математики в Институте теоретической физики имени Л. Д. Ландау РАН, отделом геометрии и топологии Математического института имени В. А. Стеклова РАН. Основные работы относятся к области алгебраической и дифференциальной топологии.
- ²⁷ Иван Евгеньевич Тарапов (1926–2002) – доктор физико-математических наук, профессор, ректор Харьковского университета (1975–1993). Заведовал кафедрой теоретической механики ХГУ. Известный ученый в области механики сплошных сред, видный специалист по проблемам высшего образования и вузовской науки.
- ²⁸ Александр Яковлевич Усиков (1904–1995) – доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины, лауреат Ленинской премии. Основатель и первый директор Института радиофизики и электроники НАН Украины, ныне носящего его имя. Известны труды ученого в области электроники и радиофизики, радиолокации и квантовой электроники.
- ²⁹ Израиль Моисеевич Гельфанд (1913–2009) – доктор физико-математических наук, профессор, академик АН СССР. Работал профессором Московского университета, затем приглашенным профессором Гарвардского университета и Массачусетского технологического института, профессором отделений математики и биологии института дискретной математики и вычислительных наук Ратгерского университета. Основные труды относятся к функциональному анализу, алгебре и топологии. Создатель теории нормированных колец.
- ³⁰ Борис Моисеевич Левитан (1914–2004) – доктор физико-математических наук, профессор, лауреат Ленинской премии. Основные труды посвящены теории почти периодических функций, теории операторов обобщенного сдвига, теории аппроксимаций, прямым и обратным задачам спектрального анализа.
- ³¹ Василий Васильевич Жиков (род. в 1940 г.) – доктор физико-математических наук, профессор. Заведует кафедрой математического анализа физико-математического факультета Владимирского государственного гуманитарного университета. Специалист в области почти периодических функций, теории усреднения, спектральной теории дифференциальных операторов и пр.
- ³² Владимир Евгеньевич Захаров (род. в 1939 г.) – доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН. Возглавлял Институт теоретической физики имени Л. Д. Ландау РАН, заведует сектором математической физики в Физическом институте имени П. Н. Лебедева РАН. Специализируется в области статистической физики и физики плазмы, теории волн в нелинейных средах, нелинейных уравнений математической физики.
- ³³ Марк Константинович Гавурин (1911–1991) – доктор физико-математических наук, профессор. Заведовал кафедрой вычислительной математики Ленинградского государственного университета, а затем – кафедрой исследования операций ЛГУ. Специалист по функциональному анализу, вычислительной математике, математическому программированию.
- ³⁴ Александр Яковлевич Повзнер (1915–2008) – доктор физико-математических наук, профессор. Заведовал кафедрой теории функций, а кафедрой математической физики Харьковского университета. Основные исследования были посвящены алгебре, спектральной теории многомерных дифференциальных операторов, теории возмущений и вычислительной математике.
- ³⁵ Леонид Александрович Шубенко-Шубин (1907–1994) – академик НАН Украины, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР. Работал главным конструктором Харьковского турбинного завода имени С. М. Кирова Харьковского совнархоза. Ученый в области энергетики и энергетического парагазотурбостроения.
- ³⁶ Ныне открытое акционерное общество «Турбоатом».